

## ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Ни Цзиншэн на тему «Заимствованная гастрономическая лексика в современном русском языке» по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)**

Диссертация Ни Цзиншэн направлена на изучение «заимствованной гастрономической лексики в современном русском языке» (стр. 4 КД), описанию данных лексических единиц в диахронии и синхронии, изучению особенностей их употребления в разных функциональных стилях, а также выявлению «степени освоения новых номинаций русской лингвокультурой» (стр. 5 КД). Из преамбулы диссертации со всей очевидностью следует, что основная лингвистическая задача, решаемая в работе, – вопрос, связанный с усвоением иноязычной лексики в русском языке и, вне всякого сомнения, сопряжённый с целым рядом лингводидактических проблем, при этом едва ли не основной, полагаем, является то, что мы называем «кажущимся, или иллюзорным, пониманием», – случаи, когда иностранный учащийся, овладевая русской лексикой, начинает по формальному и/или семантическому сходству «подгонять» новую лексическую единицу под уже ему известную. В самом общем виде настоящий феномен получил название «лексической интерференции», частное проявление которой – так называемые «ложные друзья переводчика». Если говорить о гастрономической лексике, то здесь следствием не до конца понятого слова может стать опасность съесть или выпить что-нибудь не то, попав в инокультурную среду. Это в свою очередь связано с задачами составления переводных словарей и – шире – проблемой культурной адаптации. Так, если японская *икура* мало чем отличается от заимствованного из русского языка *икра*, то заимствованное *пиросики* в Японии – исключительно пирожки, обжаренные в масле. В китайский язык из русского перешло слово *квас* (*kèwǎsī*), сам китайский квас напоминает русский, но он намного слаще. Ещё больше различий между *lièbā* в северо-

восточной части Китая и русским *хлебом*. Впрочем, между московской и петербургской *булкой* различий не меньше.

О важности изучения заимствованной лексики в прикладном, лингводидактическом аспекте, при обучении родному языку как иностранному, писал ещё Ш. Балли (в диссертации фамилия этого учёного, к сожалению, нигде не упомянута), указывая, с одной стороны, что с педагогической точки зрения «насыщение языков иностранными заимствованиями и особенно кальками способствует тому, что изучение языков нашего типа [Балли имел в виду европейские языки] становится работой значительно более лёгкой и одновременно гораздо более механической <...>» (Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 72), с другой стороны, буквально через один параграф, учёный констатирует: «...укоренившись на новой почве, заимствования и кальки порывают свои старые связи с родным языком и, как все прочие слова, начинают жить своей собственной жизнью, развиваются, претерпевают различные семантические изменения, причём последние обычно не совпадают с теми, которые испытывают те же слова в языке, из которого они взяты» (Там же. С. 73), и это, наоборот, может привести к сложностям в освоении изучающим иностранный язык заимствованной лексики. Таким образом, при овладении иностранным языком складывается весьма парадоксальная ситуация, когда заимствованное (часто не только слово, но и сама культурная реалья, им обозначаемая), первоначально кажущееся знакомым, а потому и простым, впоследствии оказывается сложнее того, что вначале казалось абсолютно новым и чужим.

Сказанное выше даёт все основания утверждать, что обозначенная в диссертации Ни Цзиншэн проблема, сводящаяся в работе к необходимости «дальнейшей разработки системного и комплексного описания отдельных групп заимствованной лексики с учётом постоянного изменения её состава, уточнения источника заимствования отдельных единиц, определения соотношения исконных и иноязычных слов в русском языке» (стр. 5 КД), представляется в высшей степени интересной и **актуальной**, она тем не

менее может быть расширена, рассмотрена в связи с важностью решения задач лингводидактического характера и вопросов, касающихся межкультурного взаимодействия, что, правда, уже выходит за рамки специальности «Русский язык. Языки народов России».

Рецензируемая диссертация, безусловно, **теоретически значима**, в ней получили развитие и практическое обоснование положения о необходимости «уточнения некоторых вопросов этимологии и лексикографии», а также о возможностях «адаптации иноязычных слов в языке-рецепторе» (стр. 7 КД). То, что диссертация «вносит определённый вклад в систематизацию лексики русского языка» (стр. 7 КД), вряд ли можно отнести к теоретической значимости работы, это скорее результат исследования.

**Научная новизна** диссертации Ни Цзиншэн проявляется в основном в том, что в ней впервые представлено «системное описание заимствованной гастрономической лексики, включая новейшие номинации, проведена её классификация в соответствии с тематикой и частеречной принадлежностью, выявлены особенности её функционирования в разных стилях русского языка» (стр. 7 КД). В констатации научной новизны дано также уточнение самих терминов «гастрономия» и «гастрономическая лексика», и это, на наш взгляд, является принципиально важным, необходимым для определения границ предлагаемой в работе классификации заимствованной лексики.

Диссертация, несомненно, имеет **практическую ценность**, которую можно видеть как в применении её результатов в лексикографической практике, при составлении переводных и лингвокультурологических словарей, так и в возможности внедрения полученного материала в учебный процесс. **Достоверность** результатов обеспечивает весьма объёмный пласт проанализированных языковых данных, сопряжение возможностей различных подходов к трактовке такой сложной проблемы, как адаптация заимствованной лексики. Работа прошла должную **апробацию**, её результаты представлены в четырёх рецензируемых журналах из списка ВАК РФ, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в докладах на международных конференциях.

**Цель** диссертации, обусловленная актуальностью и научной значимостью исследования, состоящая в «выявлении и систематизации заимствованной гастрономической лексики в современном русском языке» (стр. 6 КД), на наш взгляд, достигнута, а поставленные задачи, касающиеся обобщения результатов теоретических исследований, посвящённых заимствованиям в русском языке; описания гастрономической лексики в русском языке в диахроническом и синхроническом плане и определения особенностей её стилистического функционирования и др. полностью решены. Выносимые на защиту **положения** (их пять) сформулированы достаточно чётко и – в целом – сомнений не вызывают, хотя несколько смущает обтекаемость некоторых формулировок, например: «названия гастрономических реалий являются значительной частью словаря русского языка» (стр. 8 КД). Что в данном случае подразумевается под «значительной частью»? Или что понимается под термином «гастрономизм» во втором выносимом на защиту положении? Трактовка этого понятия выше в работе не дана, хотя слово «гастрономизм» далеко не однозначное. Или как понимать не совсем корректное, с нашей точки зрения, сочетание «публицистическая фразеология» в четвёртом положении?

Перейдём к характеристике основной части работы.

В первой главе диссертации – «Основные проблемы заимствования иноязычной лексики в русском языке» – достаточно подробно представлены теоретические основы исследования: даётся определение заимствования (заимствованного слова), рассматриваются языковые явления, имеющие отношение к процессу заимствования, – смешение и скрещивание языков, конвергенция, иноязычное слово, иноязычное вкрапление и др. Отдельно говорится о причинах, языковых и внеязыковых, возникновения заимствований в русском языке, к которым относятся увеличение контактов между странами, необходимость наименования новых понятий и различения близких, но не тождественных понятий, стремление заменить словосочетание одним словом, т. е. следствие тенденции к экономии языковых средств, желание создать определённый стилистический эффект и др. Анализируются существующие

классификации заимствований в русском языке. Важное место в первой главе диссертации занимает раздел, посвящённый вопросу ассимиляции заимствований – фонетической, грамматической, орфографической и др. и связанному с ним вопросу об этапах заимствования и степенях ассимиляции.

Автор диссертации, рассматривая различные аспекты изучения заимствованной лексики, показал несомненную научную эрудицию, умение анализировать и систематизировать информацию, почерпнутую из научных источников.

Вторая глава диссертационного исследования – «Заимствованная гастрономическая лексика в русском языке (диахронический и синхронический аспекты)» – посвящена истории заимствования гастрономической лексики в русском языке, определению терминов «гастрономия» и «гастрономическая лексика» (разграничиваются понятия ‘гастрономия’ и ‘кулинария’, ‘гурманство’, ‘кулинароним’ и т. п.); вопросу о составе гастрономической лексики и принципам её классификации, а также распределению заимствованной гастрономической лексики по тематическим группам и по языкам. При этом Ни Цзиншэн опирается на довольно широкий объём лексикографических данных, многие из которых, несомненно, можно использовать при составлении и уточнении словарных дефиниций в учебных словарях, т. е. в лингводидактических целях. Отметим в качестве положительного момента диссертации умение её автора охватывать широкий пласт практического, языкового, материала для иллюстрации отдельных теоретических положений. Однако в связи с этим не может не возникнуть вопрос о том, насколько адаптирована в русском языке приводимая в качестве такого рода иллюстраций лексика, вопрос о степени её активности и употребительности. Можно ли, например, заключить, что в русский язык «вошли» из китайского *димсам*, *хо-го*, *цзяоцзы* и т. п.? Сказанное относится к проблеме, обсуждаемой в первой главе исследования, а также в последующих параграфах второй главы – критериев заимствованного слова. Принципиально важным считаем параграф второй главы, касающийся весьма

сложной лингвистической проблемы особенностей семантического освоения заимствованной лексики.

Проведённый во второй главе диссертации анализ языкового материала позволил Ни Цзиншэн сделать аргументированные выводы о том, что для разных периодов российской истории в силу различных причин характерны свои особенности процесса заимствования русским языком гастрономической лексики; о содержании понятий 'гастрономия' и 'гастрономическая лексика'; о составе соответствующей тематической группы и др. Наиболее важным мы считаем выявление тенденций развития значения у гастрономических заимствований после их вхождения в русский язык (приобретение многозначности и др.).

В третьей главе диссертации, наиболее, на наш взгляд, интересной – «Употребление заимствованной гастрономической лексики в разных функциональных разновидностях русского языка» – рассматриваются такие вопросы, как функции гастронимизмов в разговорной речи, в языке рекламы, в текстах различного типа – публицистических, художественных и др. Ни Цзиншэн указывает на несомненно важную функцию заимствованных гастронимизмов – социальное маркирование: «при употреблении заимствований раскрываются речевые привычки различных социальных групп, разделённых по возрасту, профессии, степени образования и т. п.» (стр. 224 КД). Приводятся примеры употребления и адаптации гастрономической лексики в молодёжном жаргоне. Вообще говоря, человек, использующий в своей речи заимствованные названия блюд или напитков, может оказаться как действительно принадлежащим к определённому слою общества, так и просто лицом, стремящимся показать свою значимость. Это, конечно, уже скорее социокультурный аспект исследования заимствованной лексики, но, например, когда мы имеем дело с анализом художественного текста, он становится уже лингвопоэтическим: гастронимизмы используются в качестве одного из способов создания речевого портрета, часто влекущим за собой символическое употребление лексических единиц, входящих в тематическую группу гастрономической лексики: «Я скажу, что свету

провалиться, а чтоб мне всегда чай пить» (Достоевский, Записки из подполья). Исследуя функции гастрономической лексики в художественном тексте, важно осознавать, что гораздо важнее не то, какие котлеты любил поесть в Торжке А.С. Пушкин (что, конечно, интересно, но не с лингвистической точки зрения), а то, какое место занимает гастрономическое наименование в семантическом пространстве текста.

Отметим, что каждый из затронутых в третьей главе аспектов изучения функционирования гастрономизмов уже мог бы стать темой отдельного диссертационного исследования.

В заключении диссертации приводятся основные выводы проведённого исследования.

Положительно оценивая рецензируемое диссертационное исследование, умение его автора применять на практике, при анализе языкового материала сложные теоретические положения, хотелось бы задать Ни Цзиншэн несколько вопросов:

1. Среди причин появления заимствований в русском языке автор диссертации выделяет стремление обозначить словосочетание (русское) одним словом (иноязычным). Существует ли обратный процесс, когда русское слово заменяется иноязычным словосочетанием? Если существует, то в чём причина появления заимствований в таком случае?

2. В выводах к первой главе мы читаем: «...заимствованные слова пополняют словарный состав русского языка и способствуют культурному обмену с другими народами» (стр. 39 КД). Следует ли из этого, что чем больше заимствований, тем народы становятся ближе друг другу? Может ли Ни Цзиншэн привести аргументированные примеры нецелесообразных заимствований в русском языке в области гастрономической лексики?

3. Если рассматривать гастрономические заимствования, то где их больше – в русском языке, например, XIX века или XX и XXI веков? В какие периоды каждого из этих столетий? Чем это можно объяснить?

4. Автор диссертации абсолютно справедливо пишет о том, что «В языке художественной литературы гастрономические заимствования могут использоваться для описания быта героев, создания культурного фона описываемой эпохи. Метафора еды здесь выполняет функцию эстетического воздействия» (стр. 223 КД). Не задумывалась ли Ни Цзиншэн в связи с этим о возможности символического использования гастрономических наименований в художественном тексте?

Помимо упомянутых выше, в основной части отзыва, замечаний рекомендательного характера, считаем необходимым также указать на следующие моменты:

1. Методы исследования целесообразнее было бы разделить на общенаучные и специальные, добавить методы компонентного и контекстуального анализа, тем более что стилистический анализ, обозначенный в диссертации в качестве одного из методов исследования, всегда предполагает и контекстуальный.

2. Вопросу об активной и пассивной лексике, применительно к гастрономизмам, следовало бы уделить, на наш взгляд, больше внимания. Это позволило бы исключить или перенести в приложения к работе некоторый материал, не имеющий непосредственного отношения к теме, и, наоборот, расширить важные разделы диссертации, например, параграф, посвящённый метафоризации, подробнее сказать о том, что очень многие гастрономизмы (*баклажан, банан, фрукт, редиска, лапша, каша* и т. д.) обладают большим метафорическим потенциалом. Способность слова к метафоризации указывает и на его высокую степень адаптации в языке.

3. Если какое-то слово встретилось в тексте, то это ещё не означает, что его можно считать заимствованным. Так, в диссертации мы читаем: «Из китайского языка вошло слово баоцзы\* (кит. baozi) – название китайского блюда в виде пирожков, которые готовятся на пару: Подобные баоцзы делают из наполовину забродившего теста в форме цветов хризантемы [Газета.Ru. 11.09.2018]». Можно ли говорить в данном случае, что слово «вошло» в русский язык? Кроме того, в приведённом и аналогичном

примерах даются контексты исключительно из публицистики, описывающие особенности другой (не русской) культуры.

4. Некоторые выводы автора диссертации представляются излишне категоричными, например, заключение о том, что слово *кабак* потеряло свою актуальность. Это не совсем так: в качестве обобщающего названия *кабак* может употребляться по отношению к питейному заведению любого типа, причём в разговорной речи не реже, чем *ресторан*. Правильнее было бы здесь сказать о кабаке как типе питейного заведения. Или, цитируя дефиницию в Словаре Л.П. Крысина, Ни Цзиншэн указывает: «Трактир – устаревшее название рода дешёвого ресторана (первоначально обозначало гостиницу с рестораном)». Если рассматривать значение слова *трактир* в синхроническом аспекте, то в настоящее время трактир бывает ничуть не дешевле ресторана, а при рассмотрении в диахроническом аспекте картина становится ещё интереснее, его фоновая значимость очень часто менялась, даже в течение, например, одного XIX века, что иногда оказывается принципиально важным для понимания текста литературного произведения этого периода.

5. В диссертации есть опечатки, стилистические погрешности и грамматические ошибки, их, однако, относительно общего объёма работы, немного, например: «Одним из наиболее важных аспектов изучения является (стр. 4 КД); «о этимологических характеристиках» (стр. 5 КД); «систему» (стр. 15 КД); «Особенности второй этапа» (стр. 33 КД); «гастрономическая культура включает нескольких аспектов» (стр. 49 КД); «В этой подгруппе отмечены названия разнообразных печений» (стр. 109 КД) и т. п. В оглавлении повтор в названиях глав и параграфов сочетания «в русском языке» желательно было бы исключить. Немотивированные повторы встречаются и в других разделах диссертации. В некоторых случаях наблюдаются расхождения в оформлении ссылок на библиографические источники.

Диссертация в целом отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (по

филологическим наукам), а также критериям, определённым пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ни Цзиншэн заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки).

Официальный оппонент:  
доктор филологических наук,  
ведущий научный сотрудник  
ФГБУН Институт русского языка  
им. В.В. Виноградова РАН

Ружицкий Игорь Васильевич

---

13 августа 2024 г.

Специальность, по которой официальным  
оппонентом защищена диссертация:  
10.02.19 – Теория языка

Адрес места работы:  
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2  
ФГБУН Институт русского языка  
им. В.В. Виноградова РАН  
Тел.: ruslang@ruslang.ru; +7 (495) 695-26-60

Подпись сотрудника ФГБУН Институт русского языка  
им. В.В. Виноградова РАН И.В. Ружицкого удостоверяю:

дата